

Аркадий СТРУГАЦКИЙ
Борис СТРУГАЦКИЙ

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

"...Исследователи сообщают о межзвездном планктоне, о спорах неведомой жизни в Пространстве. Протяженные скопления их встречаются только за орбитой Марса. Происхождение их до сих пор остается неясным..."

Титан не понравился Виктору Борисовичу. Планетка слишком быстро вращалась и обладала темной беспокойной атмосферой. Зато Виктор Борисович досыта налюбовался кольцами Сатурна и странной игрой красок на его поверхности. Планетолет разгрузился - продовольствие, сжиженный дейтерий, кибернетическое оборудование для планетологов, - принял на борт двадцать восемь тонн эрбия и биолога Малышева и сейчас же отправился в обратный рейс. Как всегда, в поясе астероидов планетолет потерял скорость и уклонился от курса. Пришлось помучиться. Вымотались все, и больше всех биолог Малышев. Бедняга не выносил перегрузок. Когда его вытащили из амортизатора, он был желтый, как сыр. Он ощупал себя, помотал головой и молча устремился в свою каюту. Он торопился поглядеть, как перенесла перегрузку его улитка - жирный синий слизняк в многостворчатой раковине, выловленный в нефтяном океане недалеко от эрбиевой долины.

Теперь, как и все на свете, плохое и хорошее, перелет подходил к концу. Меньше чем через сутки планетолет прибывал на ракетодром в кратере Ломоносова, затем неделя карантина - и Земля, полгода отпуска, полгода синего моря, шумящих сосен, зеленых лугов, залитых солнцем.

Виктор Борисович улыбнулся, перевернулся на другой бок и сладко зевнул. До вахты оставалось два часа. Сейчас на вахте стоял Туммер, носатый и длинный как палка. Виктор Борисович представил себе Туммера, как он сидит, сутулясь, у вычислителя и, выпятив челюсть, просматривает голубую ленту записи контрольной системы. Затем Туммер расплылся, а вычислитель стал похож на замшелый валун с шершавыми боками. Под валуном темнела глубокая вода, и, если присмотреться, в шевелящихся водорослях стоит щука с черной спиной, неподвижная и прямая как палка. И вдруг около уха загудел шмель. Виктор Борисович всхрапнул и проснулся. В каюте было темно. Он пожевал губами и замер. Где-то очень близко гудел шмель.

- Не может быть, - громко и уверенно сказал Виктор Борисович. Он поднялся в постели и включил лампу. Шмель замолк. Виктор Борисович огляделся и увидел на простыне черное пятно. Это был не шмель. Это была муха.

- Мама моя, - сказал Виктор Борисович. Муха сидела неподвижно. Она была совсем черная, с черными растопыренными крыльями. Виктор Борисович тщательно прицелился, подвел к мухе ладонь с подобранными пальцами и схватил. Он поднес кулак к уху. В кулаке шевелилось, шуршало и вдруг загудело так знакомо, что Виктор Борисович сразу вспомнил уроки рисования.

- Муха в планетолете, - сказал он и поглядел на кулак с изумлением.

- Вот это да! Надо показать ее Туммеру.

Действуя одной рукой, он натянул брюки, выскочил в коридор и пошел в рубку, огибая выпуклую стену. В кулаке шуршало и щекотало. В рубке стоял Туммер с темным тощим лицом. На экране телепроектора покачивались два узких серпа - голубой побольше, белый поменьше - Земля и Луна.

- Здравствуй, Тум, - сказал Виктор Борисович. Туммер качнул головой и посмотрел на него запавшими глазами. - А ну, угадай, что у меня здесь, - сказал Виктор Борисович, осторожно потрясая кулаком.

- Дирижабль, - ответил Туммер.

- Нет, не дирижабль, - сказал Виктор Борисович.

- Муха. Муха, старый сын!

Туммер сказал скучно:

- Ферритовый накопитель работает скверно.

- Я сменю, - сказал Виктор Борисович. - Ты понимаешь, она меня разбудила. Она гудит, как шмель на полянке.
- Меня бы она не разбудила, - сказал Туммер сквозь зубы.
- Шуршит, - нежно произнес штурман, - шуршит, скотинка.
Туммер посмотрел на него. Виктор Борисович сидел, приложив кулак к уху, и счастливо улыбался.

- Виктор, - сказал Туммер, - ну что у тебя за лицо?
В рубку вошел капитан планетолета Константин Ефремович Станкевич и следом бортинженер Лидин.

- Я же говорил - не спит, - сказал Лидин, тыча пальцем в штурмана.
- С ним что-то случилось, - ядовито сказал Туммер. - Поглядите на его физиономию.

Виктор Борисович объявил:

- Я поймал муху.
- Ну да? - удивился Лидин.
- Я спать пойду, Константин Ефремович, - сказал Туммер.
- Виктор, принимай вахту.
- Погоди, - сказал Виктор Борисович.
- А ну, покажи, - потребовал Лидин. У него был такой вид, словно он никогда в жизни не видел мух.

Виктор Борисович приоткрыл кулак и осторожно просунул туда два пальца левой руки.

- Откуда на корабле муха? - спросил капитан.
- Не знаю, - ответил штурман. Он разглядывал муху, держа ее за ножки двумя пальцами. - Она жужжит совершенно как шмель, - сообщил он.
- Осторожно, Витя, - с придыханием сказал Лидин, - ты ломаешь ей ногу. У-у, негодяйка... Жужжит!
- Все-таки откуда на корабле муха? - спросил капитан. - Это, между прочим, ваше дело, Виктор Борисович.

Штурман выполнял обязанности сантехника.

- Вот именно, - сказал Туммер. - Расплодил на корабле мух, и ферритовый накопитель работает отвратительно. Принимай вахту, слышишь?
- Слышу, - сказал штурман. - Мне еще десять минут осталось. Надо показать ее Малышеву.

Он тоже давно не видел мух. Он двинулся к выходу, держа перед собой муху, как тарелку с борщом.

- Мухолов, - сказал Туммер презрительно. Капитан засмеялся. Дверь открылась, и в рубку шагнул Малышев. Штурман отскочил в сторону.

- Осторожно, - сердито сказал он. Малышев извинился. У него был встрепанный вид и растерянные глаза.

- Дело в том, что... - начал он и остановился, уставясь на муху в пальцах штурмана.

- Можно? - спросил он, протягивая руку.
- Мухи, - с гордостью сказал Виктор Борисович. Малышев взял муху за крыло, и она завопила на всю комнату.
- У нее восемь ног, - сказал Малышев медленно.
- Ай-яй-яй, - сказал Туммер. - И что же теперь будет? Виктор, принимай вахту.

- Это не муха, - сказал Малышев. Его брови поднялись чуть ли не до волос и снова опустились на глаза.

- Я думал, что это траурница - антракс морио. Но это не муха.
- А что же это? - осведомился штурман несколько раздраженно.
- Послушайте, - сказал Малышев. - Какие у вас есть дезинсекторы? И потом мне нужен микроскоп.

- Да в чем дело? - спросил штурман. Капитан нахмурился и подошел к ним. Лидин тоже подошел ближе.

- Послушайте, - повторил Малышев, - мне нужен микроскоп. Пойдемте в мою каюту. Я покажу вам кое-что.

Туммер сказал им вслед:

- Пожалуйста, не уроните муху.

В коридоре Лидин вдруг закричал:

- Муха!

Они увидели муху, ползущую по стене под самым потолком. Муха была черная, с черными растопыренными крыльями. В каюте биолога их было целых три. Одна сидела на подушке, две ползали по стенкам большого стеклянного

баллона с синей титанианской улиткой. Лидин, войдя последним, хлопнул дверью, и мухи поднялись в воздух, гудя как шмели.

- 3-забавные мухи, - неуверенно сказал Виктор Борисович и посмотрел на Станкевича.

Капитан стоял неподвижно и следил глазами за мухами. Лицо его наливалось краской.

- Дрянь, - сказал он.

- Что случилось? - сказал Лидин. Малышев повернул к нему хмурое лицо.

- Я же сказал: это не мухи. Это не земные мухи, понимаете?

- Мама моя, - проговорил Виктор Борисович и вытер правую ладонь о сорочку.

- Ах, вот оно что, - сказал Лидин. Черная муха закрутилась у него перед глазами, он отшатнулся и ударился затылком в закрытую дверь.

- Пшла! - крикнул он, судорожно отмахиваясь.

- Нужен дезинсектор, - сказал капитан. - Что у нас есть?

- Есть леталь, - сказал штурман.

- Еще?

- Все.

- Хорошо, - сказал капитан. - Я сам это сделаю. Ступайте помойте руки, оботрите формалином.

Малышев все еще рассматривал муху, держа ее у самого носа. Виктор Борисович видел, как сильно дрожат его пальцы.

- Бросьте вы эту гадость, - сказал Лидин. Он уже стоял в коридоре и то и дело озирался.

- Она мне нужна, - ответил Малышев. - Вторую вы мне, что ли, поймаете?

В ванной Виктор Борисович торопливо стянул сорочку, бросил ее в мусоропровод и кинулся к умывальнику. Он мылил руки, тер их губкой и намыливал снова. Руки стали красными и распухли, а он все тер, тер и снова намыливал. Произошло самое страшное, что может произойти на корабле. Это бывает очень редко, но лучше бы этого не случилось никогда. У планетолета толстые стены, и все, что через эти стены проникает, смертельно опасно. Все равно что - метеорит, жесткие излучения или какие-нибудь восьминогие мухи. И опаснее всего мухи. Три года назад Виктор Борисович участвовал в спасении экспедиции на Каллисто. В экспедиции было пять человек - два пилота и трое ученых, - и они занесли в свой корабль протоплазму ядовитой планетки. Коридоры корабля были затянуты клейкой прозрачной паутиной, под ногами хлюпало и чавкало, а в рубке лежал в кресле капитан Рудольф Церер, белый и неподвижный, и лохматые сиреневые паучки бегали по его губам. Виктор Борисович вытер опухшие руки формалином и вышел в коридор. По потолку ползали мухи. Их было много, штук двадцать. Навстречу шел Лидин. Лицо его было перекошено.

- Откуда они берутся? - спросил он сипло. - М-мерзость.

Из-под ног его с гудением взлетела муха, и он остановился, подняв над головой кулаки.

- Спокойно, - сказал Виктор Борисович. - Спокойно, бортинженер. Ты куда?

- Мыться.

- Как дезинсектор?

Лидин оскалился и молча прошел в ванную. Виктор Борисович забежал в свою каюту, надел свежую сорочку и куртку и отправился в рубку. У дверей мимо его лица с тонким воем пронеслась стайка черных мошек.

В рубке на столе перед вычислителем стояла стеклянная баночка, наполовину наполненная мутноватой жидкостью, от которой воняло даже через притертую пробку. В жидкости плавала муха. Малышев, видимо, помял-таки ей крылья, и она не могла взлететь, только время от времени гудела густым басом. Станкевич, Туммер и Малышев стояли у стола и глядели на муху. Виктор Борисович подошел и тоже стал смотреть на муху.

Мутная жидкость в баночке была дезинсектором "Леталь". Леталь убивал насекомых практически мгновенно. Он мог бы убить и быка. Но восьминогая муха об этом, по-видимому, не знала и даже не догадывалась. Она плавала в летале и время от времени злобно гудела.

- Пять с половиной минут, - сказал Туммер. - Что же ты, голубушка? Пора.

- Может быть, есть какой-нибудь другой дезинсектор? - спросил

Малышев.

Виктор Борисович покачал головой. Он оглядел потолок. Мух в рубке еще не было. Потом он заметил, что Туммер, ухмыляясь, рассматривает его опухшие руки. Он сунул руки в карманы и зашипел от боли. И все зря, подумал он, эту дрянь не берет даже леталь: "Кубический сантиметр на квадратный метр поверхности. Уничтожает все виды насекомых, их личинки и яйца". Он посмотрел на муху в банке. Муха плавала и отвратительно гудела. Виктор Борисович вздохнул, вынул руки из карманов и сказал:

- Сдавай вахту, Тум.

Он принял вахту и доложил капитану о смене.

Станкевич рассеянно кивнул.

- Где Лидин? - спросил он.

- Моется. Дезинфицируется, - сказал Туммер.

- Слушать меня, - сказал капитан. - Всем надеть защитные спецкостюмы.

Сделать прививку против песчаной горячки. Далее. Леталь не годится. Но не исключено, что на этих мух подействует что-нибудь другое. Как вы полагаете, товарищ Малышев?

- Что? - сказал Малышев. Он оторвался от созерцания мухи в банке и поспешно сказал: - Да, возможно. Не исключено.

- У нас есть петронал, буксил, нитросиликель... сжиженные газы...

- Слюни, - тихонько сказал Туммер. Станкевич холодно взглянул на него.

- Оставьте ваши остроумия при себе, Туммер. Так. Опыты проведем в медицинском отсеке. Я могу рассчитывать на вас, товарищ Малышев?

- В вашем распоряжении, - быстро сказал Малышев. - Но мне нужен микроскоп.

- Микроскоп в медицинском отсеке. Вы остаетесь в рубке, Виктор Борисович. Спецкостюм вам принесут.

- Слушаюсь, - сказал Виктор Борисович. Послышалось звонкое бодрое гудение. Все посмотрели на банку и сейчас же, как по команде, подняли лица к потолку. Под потолком с победным воем носилась большая черная муха. Спецкостюм Виктору Борисовичу принес Туммер. Он быстро приоткрыл дверь, козлом прыгнул через комингс и захлопнул дверь за собой. На секунду в рубку ворвался многоголосый стонущий вой. Туммер откинул с головы спектролитовый колпак.

- В коридоре мух - не протолкнешься, - сказал он. - Черно. Засучи рукав.

Он достал шприц и впрыснул штурману сыворотку против песчаной горячки - единственной внеземной инфекционной болезни, против которой имелось противоядие. Это было явно бессмысленно, потому что единственным местом, где были найдены возбудители песчаной горячки, была Венера, но капитан не хотел упускать ни малейшего шанса.

- Как там наши? - спросил Виктор Борисович, опуская рукав.

- Костя злой как черт, - сказал Туммер. - Этих мух ничего не берет. А Малышев в восторге. Прямо на седьмом небе. Режет мух и разглядывает в микроскоп. Говорит, что в жизни не представлял себе ничего подобного. Говорит, что у этих мух нет ни глаз, ни рта, ни пищевода, ни чего-то там еще. Говорит, что не может понять, как они размножаются...

- А он не говорит, откуда они взялись?

- Говорит. Он считает, что это споры неизвестной формы жизни. Он говорит, что они миллионы лет носились в Пространстве, а в корабле нашли благоприятную почву. Он говорит, что нам повезло. Таких случаев еще не бывало.

- Блуждающая жизнь, - сказал штурман и стал влезать в защитный спецкостюм. - Я слышал об этом. Но я как-то не считаю, что нам повезло. Кстати, как они могли попасть в корабль?

- Помнишь, неделю назад Лидин вылезал наружу. Кажется, это было в поясе астероидов.

- А может быть, они с Титана?

Туммер пожал плечами.

- Малышев говорит, что на Титане нет восьминогих мух. Да не все ли равно? Скажи спасибо, что это не осы.

Туммер ушел, снова прыгнув через комингс, и захлопнул за собой дверь. Виктор Борисович сел у пульта. В спецкостюме и спектролитовом колпаке он чувствовал себя в безопасности и даже принялся что-то напевать себе под

нос. Под потолком уже носились десятки мух, некоторые крутились перед телеэкраном и ползали по лентам записи контрольной системы. Но их гудение не было слышно: спецкостюм обладал хорошей звукоизоляцией. Виктор Борисович оглядел пульт управления. На пульте у его локтя сидела муха. Виктор Борисович прицелился и крепко прихлопнул ее ладонью в силикетовой перчатке. Муха перевернулась, пошевелила лапками и замерла. Виктор Борисович, наклонившись, с любопытством оглядел ее. Дохлая черная муха. Восемь ног... Пакость, конечно, но почему они опасны? Ни одно насекомое не опасно, опасны инфекция или яд, а инфекции может и не быть и яда тоже. Впрочем, если представить, что несколько этих космических мух попало на Землю...

Штурман обернулся. Листок бумаги, лежавший на столе, соскользнул на пол и, крутясь, полетел к двери. Дверь в коридор была приоткрыта.

- Эй, кто там? - крикнул Виктор Борисович. - Дверь!

Он подождал немного, затем поднялся и выглянул в коридор. В коридоре ползали и летали мухи. Их было так много, что стены казались черными, а под потолком висела как бы траурная бахрома. Виктор Борисович передернул плечами и закрыл дверь. Взгляд его упал на листок бумаги у комингса. Какое-то смутное подозрение, тень догадки мелькнула у него в голове. Несколько секунд он стоял, соображая.

- Чепуха, - сказал он вслух и вернулся к пульту. В рубке стало заметно темнее. Плотные мушиные тучи вились под потолком, заслоняя голубые осветительные трубки. Виктор Борисович поднес к глазам часы. С начала биологической атаки прошло полтора часа. Он поглядел на дохлую муху на пульте, почувствовал тошноту и зажмурился. И зачем я ее раздавил? - подумал он. Гадость все-таки, ядовитая или нет - все равно. Сквозь полусомкнутые веки он увидел, что лента идет неровно. Он поправил ее, потом невольно поискал глазами раздавленную муху.

Сначала ему показалось, что она исчезла. Но он снова увидел ее. Раздавленная дрянь шевелилась. Штурман пригляделся и проглотил слюну. Он стал весь мокрый. Останки мухи были покрыты мельчайшей черной мошкаррой. Мошкара суетливо ползала по расплюсненному брюху - крошечные черные мошки с черными растопыренными крыльями. Их было штук тридцать, и они копошились, расползаясь в стороны по гладкой светлой поверхности пульта. Они еще не могли летать.

Это продолжалось минут десять, не меньше. Голубая лента ползла из вычислителя и ленивыми витками ложилась на пол. Вокруг нее вились большие черные мухи. Штурман сидел наклонившись, сдерживая дыхание, и глядел не отрываясь на дохлую муху. На бывшую дохлую муху. Было видно, как шевелится черная голая нога мухи. Если присмотреться - она вся покрыта мельчайшими порами, и из каждой поры торчит головка микроскопической мушки. Они вылезали прямо из тела. Вот почему они так быстро размножаются, подумал Виктор Борисович. Они просто вылезают друг из дружки. Каждая клетка несет в себе зародыш. Эту муху просто нельзя убить. Она возрождается стократно повторенная.

Мошкара ползала по пульту, по кнопкам и верньерам, по прозрачной пластмассе приборов. Мошек было много, и некоторые уже пытались взлететь. От дохлой мухи остался мелкий черный порошок, и штурман смахнул его с пульта, как на Земле смахивают со стола табачный пепел.

- Штурман проветривает рубку, - раздался в наушниках голос Туммера. В рубку вошли четверо в блестящих силикетовых костюмах и серебристых шлемах.

- Зачем вы открыли дверь, Виктор Борисович? - спросил капитан.

- Дверь? - Виктор Борисович оглянулся на дверь. - Я не открывал ее.

- Дверь была открыта, - сообщил капитан. Виктор Борисович пожал плечами. Он все еще видел, как черная мошкара вылезает из дохлой мухи.

- Я не открывал дверь, - повторил он. Он снова оглянулся на дверь.

Он увидел клочок бумаги у комингса, и снова смутная догадка мелькнула у него в голове. Лидин сказал нетерпеливо:

- Давайте решать, что делать дальше.

- Штурман не в курсе дела, - сказал капитан. - Товарищ Малышев, повторите ваши выводы.

Малышев покашлял.

- Аппаратура у вас неважная, - сказал он. - Микротом, например, в полном запустении...

Он замолчал, и стало слышно, как Лидин втолковывает вполголоса

кому-то, вероятно Туммеру: "...взять баллон со спиртом, ходить, поливать их и тут же поджигать..."

- Словом, так, - сказал Малышев. - Состав у них странный - кислород, азот и в очень малых количествах кальций, водород и углерод. Я делаю вывод, что это не белковая жизнь. И тогда, во-первых, опасность инфекции сомнительна; во-вторых, это открытие высокого класса. Я это подчеркиваю, потому что вот товарищ Лидин только и думает, как их уничтожить. Это неверный подход к проблеме.

- Пауков бы сюда, - сказал Лидин, - старых матерых крестовиков...

- Совершенно неясно, - продолжал Малышев, - чем они питаются. Совершенно неясен механизм их размножения. Я считаю, что есть основания полагать...

- Я все-таки не понимаю, - сказал Туммер. - Я убивал их, давил ногами, но покажите мне хоть одну дохлую муху.

- Не ищи, - сказал штурман, - даже не пробуй.

- Это почему же?

Виктор Борисович увидел, что дверь снова тихо приоткрылась. Бумажка на полу взлетела, словно пытаясь перепрыгнуть через комингс, и снова бессильно опустилась на пол.

- Я потом расскажу. Потом, когда все кончится.

Виктор Борисович подошел к двери, закрыл ее и вернулся к столу. Капитан легко хлопнул ладонью по столу.

- Слушать меня! - сказал он. - Я решил очистить корабль от мух.

- Каким образом? - осведомился Малышев.

- Мы наденем пустолазные костюмы, поднимем в корабле давление - можно использовать запасы жидкого водорода - и откроем люки...

- Мама моя! - пробормотал штурман.

- ...впустим Пространство в корабль. Вакуум и абсолютный нуль. И ток сжатого водорода выбросит эту гадость.

- Идея, - сказал Лидин. Туммер сел в кресло и вытянул ноги.

- Все равно мы так не избавимся от спор, - сказал он.

- Спор, я думаю, на корабле не осталось, - сказал Малышев. В голосе его слышалось сожаление. - Они все развились.

- Мы избавимся от мух, - сказал Лидин. - От этих омерзительных, проклятых, чертовых...

- Слушайте, - сказал Виктор Борисович, - я, кажется, понял. Он подошел к двери, нагнулся и зачем-то потрогал пальцами клочок бумаги у комингса.

- Что ты понял? - спросил Туммер.

- Так, - сказал Станкевич. - Пойдемте за вакуум скафандрами. Лидин, поможет Малышеву надеть скафандр.

- Мушки повымерзнут, - сказал Лидин, хихикая. Ему ужасно хотелось, чтобы мушки повымерзли.

Виктор Борисович огляделся. Стены были черными. Под потолком висели бархатистые фестоны. Пол был покрыт сухой шевелящейся кашей. Сгустились сумерки - кучи мух облепили осветительные трубки.

- Слушайте, - сказал Виктор Борисович. - Вы знаете, почему открывалась дверь?

- Какая дверь, штурман? - нетерпеливо спросил капитан.

- Которая дверь? - спросил Туммер.

- Вот эта, дверь в коридор. А теперь она больше не открывается.

- Ну?

- Вот в чем дело, - торопливо сказал Виктор Борисович. - Дверь открывается наружу, так? В коридоре падает давление, так? Избыток давления в рубке выталкивает дверь. Все очень просто. А теперь избытка давления нет.

- Ничего не понимаю, - сказал капитан.

- Мухи, - сказал Виктор Борисович.

- Ну, мухи, - сказал Туммер. - Ну?

- Мухи жрут воздух. Вот откуда они берут живой вес. Они жрут воздух, кислород и азот.

Биолог издал неясное восклицание, а капитан повернулся к приборам циркуляционной системы. Несколько минут он вглядывался в приборы, яростно смахивая мух. Все молчали. Наконец капитан выпрямился.

- Расходомеры показывают, медленно сказал он, - что за последние два

часа на корабле израсходовано около центнера жидкого кислорода.

- Великолепно, - проговорил Малышев.

- Ну и твари, - сказал Лидин. - Вот так твари.

- Я же говорил, - сказал Туммер. - Это всего-навсего восьминогие мухи.

- Логически рассуждая, - заметил биолог, - атмосфера из водорода должна быть для них летальной.

- Что ж, это упрощает, - сказал капитан. - Слушать меня. Лидин, помогите товарищу Малышеву облачиться в скафандр. Туммер, перекройте по кораблю циркуляционную систему. Штурман, подготовьте корабль к обработке вакуумом и сверхнизкими температурами. Готовность доложить через десять минут.

Виктор Борисович направился к выходу, размышляя, что произойдет, если хоть несколько мух попадет на Землю. Землю не обрабатываешь вакуумом и сверхнизкими температурами.

Он вздохнул, отворил дверь и нырнул головой вперед в черную мохнатую дыру, еле освещенную красноватым светом.

Они натянули вакуум-скафандры прямо на спецкостюмы. Затем они шли к рубке длинным тоннелем с черными стенами, сумрачным незнакомым тоннелем. Стены тоннеля медленно колыхались, словно дышали. Они пришли в рубку. Здесь тоже все было незнакомо и сумрачно. Капитан спросил:

- Туммер, циркуляция?

- Выключена.

- Штурман, люки?

- Открыты... За исключением внешних.

- Лидин, состояние вакуум-скафандров?

- Проверено, товарищ капитан.

- Начнем, - сказал капитан. Виктор Борисович нагнулся к манометру.

Давление в корабле упало на тридцать миллиметров, а ведь Туммер выключил циркуляционную систему всего несколько минут назад. Мухи пожарили воздух и размножались с чудовищной быстротой. Капитан открыл подачу водорода. Стрелка манометра остановилась, затем медленно поползла в обратную сторону. Атмосфера... Полторы... Две...

- Есть у кого-нибудь мухи в скафандре или в спецкостюме? - осведомился капитан.

- Пока нет, - сказал Лидин. Снова наступила тишина. В наушниках было слышно только дыхание. Кто-то чихнул, кажется Туммер.

- Будьте здоровы, - вежливо сказал Малышев.

Никто не ответил. Пять атмосфер. Черная каша на стенах тяжело заворачивалась. "Ага!" - злорадно сказал Лидин. Шесть атмосфер.

- Внимание, - сказал капитан. Виктор Борисович напрягся и ухватился за пояс Малышева. Малышев ухватился за Лидина, Лидин - за кресло, в котором сидел Туммер. Капитан согнал с пульта мушиную тучу и нажал кнопку. Четыре грузовых люка - широкие пластметалловые шторы, покрывающие грузовой отсек, - раскрылись мгновенно и одновременно. Виктор Борисович ощутил мягкий толчок, сотрясший его с ног до головы. Кто-то ахнул. Водородно-воздушная смесь под давлением в шесть атмосфер устремилась к люкам и в пространство. В рубке закрутилась черная вьюга. И стало светло. Ярко, ослепительно светло. Рубка стала прежней стерильно-чистой рубкой. Только искрилась в отблесках голубых трубок изморось на стенах да у комингса остался налет серой пыли.

- Как хорошо! - сказал незнакомый хриплый голос в наушниках.

- Внимание, - сказал капитан. - Второй этап!

Затем был третий этап, и четвертый, и пятый. Пять раз корабль наполнялся сжатым водородом, и пять раз вихри сжатого газа промывали каждый угол, каждую щель в корабле. Налет серой пыли перед комингсом рубки исчез, исчезла изморось на стенах. Затем корабль наполнился водородом в шестой раз. Капитан на полную мощность включил пылеуловители, и только после этого в корабль я был снова подан воздух.

- Вот и все, - сказал Станкевич. - Пока по крайней мере.

Он первым стащил с головы тяжелый шлем скафандра.

- Может быть, все это нам приснилось? - задумчиво сказал Лидин.

- Сладостное сновидение, - сказал Туммер. А Виктор Борисович помогал Малышеву освободиться от скафандра. Когда он стянул с правой руки биолога коленчатый рукав, капитан вдруг сказал:

- А это что у вас, товарищ Малышев?

И в кулаке Малышева была пластмассовая коробочка, похожая на очешницу. Биолог спрятал руку за спину.

- Ничего особенного, - сказал он и сразу насупился.

- Товарищ Малышев! - ледяным голосом сказал капитан.

- Что, товарищ Станкевич? - отозвался биолог.

- Дайте сюда эту штуку.

- Мама моя, - сказал Виктор Борисович, - у вас там мухи!

- Ну и что же? - сказал биолог. Лидин побледнел, затем покраснел.

- Немедленно уничтожьте эту гадость, - сказал он сквозь зубы. - В реактор ее, немедленно!

- Спокойно, бортинженер, - сказал Виктор Борисович. Малышев стряхнул с себя пустолазный панцирь и сунул коробочку в карман. Брови его поднялись до волос и снова надвинулись на глаза.

- Мне стыдно за вас, товарищи, - объявил он.

- Ему стыдно за нас! - Лидин так и взвился.

- Да, стыдно. Я понимаю, это было неожиданно и... по-человечески страшно...

- Да вы представляете, - сказал Лидин, - что будет если хоть одна муха попадет в земную атмосферу?

- Вы знаете, как они размножаются? - спросил штурман.

- Знаю. Видел. Это все чепуха. - Малышев перешагнул через скафандр и сел в кресло. - Выслушайте меня. Жизнь в Космосе иногда бывает враждебна земной жизни, это правда. Глупо это отрицать. Если бы мухи угрожали жизни или хотя бы здоровью человека, я бы первым потребовал отвести корабль подальше от Земли и взорвать его. Но мухи неопасны. Небелковая жизнь не может - не может, понимаете? - угрожать белковой жизни. Меня поражает ваша неосведомленность. И ваша, простите, нервозность.

- Малейшая ваша неосторожность, - упрямо сказал Лидин, - и они расплодятся на Земле. Они сожрут всю атмосферу.

Малышев презрительно щелкнул пальцами.

- Вот, - сказал он. - Пусть они даже расплодятся на планете, и я берусь в два дня вывести двадцать две рас азотно-кислородных вирусов, которые уничтожат и мух, споры, и двести двадцать поколений потомства. Это во первых. А во-вторых, мы пробовали и леталь, и буксил, петронал, и еще что-то. Но я уверен, что эффективнейшим средством против наших мух были бы простые слюни.

Туммер захохотал.

- Черт знает, что вы говорите, - проворчал Станкевич.

- Ну, не слюни, конечно, но простая вода. Обыкновенная аква дистиллята. Я уверен в этом.

Малышев обвел межпланетников торжествующим взглядом. Все молчали.

- Но вы по крайней мере понимаете, что нам повезло? - спросил он.

- Нет, - сказал Станкевич. - Еще нет.

- Нет? Ладно, - сказал Малышев. - Во-первых, в наших руках, - он похлопал себя по карману, - уникальнейшие экземпляры небелковых существ. До сих пор небелковая жизнь воспроизводилась только искусственно. Понимаете? Оч-чень рад. Во-вторых. Представьте себе завод без машин и котлов. Гигантские инсектарии, в которых с неимоверной быстротой плодятся и развиваются миллиарды наших мух. Сырье - воздух. Сотни тонн первоклассной неорганической клетчатки в день. Бумага, ткани, покрытия... А вы говорите - в реактор.

Биолог замолчал, извлек пластмассовую коробочку и поднес ее к уху.

- Гудят, - сообщил он. - Уникальнейшие существа. Редчайшие... Редчайшие.

Глаза его вдруг округлились, на лице появилась растерянность.

- Моя улитка, - сказал он и кинулся из рубки. Межпланетники переглянулись.

- Биология - царица наук, бортинженер, - сказал Туммер.

- Много я знаю о небелковой жизни! - сказал Лидин брезгливо.

Капитан поднялся.

- Все хорошо, что хорошо кончается, - сказал он, глядя на Туммера. - Если мне еще кто-нибудь когда-нибудь станет болтать про угрозу из Космоса... Кто вахтенный?

Виктор Борисович поглядел на часы. (Мама моя, - подумал он, - еще не

кончилась моя вахта! Неужели прошло всего три часа?)

Сменившись с вахты, он зашел к Малышеву. Биолог горестно вздыхал над донышком стеклянного баллона. Во время вакуумной чистки внутреннее давление разорвало и баллон и титанианскую улитку, и высушенные Пространством клочья слизняка присохли к стенам и потолку каюты.

- Это был такой экземпляр, - жалобно сказал Малышев, - такой экземпляр!

- Зато у вас теперь есть мухи, - сказал штурман. - А в следующий рейс я привезу вам другого слизняка. Пойдемте в медотсек и покажите мне, что там с микротомом. Понимаете, нам еще не приходилось им пользоваться.